

Софья К
Собаколов

Софья К Собаколов

<https://litres.ru/73912819>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о девушке Васе, которая после тяжелого расставания вдруг открыла для себя новый, неожиданный виртуальный мир, наполненный сказками и научными изобретениями. И все благодаря необычной переписке с незнакомцем. А еще - веточке жасмина.

Только не все в жизни происходит так, как мы хотим. Зато у каждого из нас всегда остается право выбора...

Содержание

Глава 1	4
Ветка жасмина	4
Глава 2	8
Радость расставания	8
Глава 3	17
Тоннель	17
Глава 4	22
Настойчивый	22
Глава 5	27
Разговоры продолжаются	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Софья К Собаколов

Глава 1

Ветка жасмина

С опаской глядя на хмурое осеннее небо, готовое вот-вот разразиться мокрым снегом, она только нежней и бережней прижимала к себе чужой букет. Цветы дарили не ей, а Анюте, коллеге из университета — навязчивый поклонник презентовал. Подарил и удалился незаметно. Оставив после себя эту самую ветку, усыпанную белыми, резко пахнущими бутонами. Хотя нет, запах приятный. Просто завидно. Что Анюте, хотя она уже почти полгода гордо носила на безымянном пальце кольцо, какие-то посторонние и настойчивые мужчины оказывают знаки внимания. А Васе — нет.

Вася — это не мальчик, если что. Просто сокращенное — от Василисы. Папа был тот еще сказочник и имя выбрал соответствующее. Но не учел, что его будут упрощать и коверкать. А потом сам же, первый, радостно всех оповещал — я папа Васи!

Вася! Для заборов самое то, а для скромной, воспитанной

девушки — не очень. Вот и мучайся теперь!

Но, если вдруг вспомнят полный вариант, оправдываясь, что никакая она не Премудрая, даже слишком простая и тяжело до всего мудреного доходящая. А уж то, что не Прекрасная, даже объяснять не приходилось — это люди и так видели. В общем, сказки не получилось.

Васину душу грело только то, что безалаберный в житейских делах папа не успел сменить в юности свое имя Павел на обожаемое лично им и звучное для многих — Берендей! Хотя грозился это сделать. Такое бы Чудо-юдо получилось — Василиса Берендеевна! Смеялись бы не только студенты, но и весь преподавательский состав, и просто посторонние люди, да и сама Вася. И правда ведь смешно...

Васе сразу приглянулся этот букет, а точнее пышная веточка жасмина, завернутая в красивую бумагу. Не то, что коллеге. Анюта, не желая держать цветы даже здесь, на работе, металась по кабинету, осматривая пол в поисках ведра. Видимо, очень не хотела расстраивать своего мужа, что часто сюда заглядывал из своего, соседнего корпуса. Потом вдруг замерла, посмотрела на Васю с надеждой:

— Заберешь?

И Вася, заматывая длинный «жирафий» шарф несколько раз вокруг шеи, слишком поспешно кивнула. Даже осознать еще не успела, что так не надо бы...

Наградой ей стало ароматно-белое счастье. Коллеги по-

смотрели на Васю снисходительно, но не зло. Анюта тоже улыбнулась, одними уголками губ. Молча, не досаждая привычным: «Может, познакомить тебя? У меня есть один такой на примете? Вы хорошо бы смотрелись вместе». А Инна Афанасьевна промолчать не смогла — хоть и отвернулась, но все равно выдала себя громким, как у лошади, фырканием. «Хоть что-то перепало», — поняла ее Вася. Но веточку не вернула. Заспешила с ней домой.

Ей почему-то нравилось представлять — вот прохожие видят девушку в веткой и думают, что это подарок ее возлюбленного. И что хоть у кого-то в такой мрачный осенний период сердце наполнено счастьем и романтикой. Но прохожим было все равно. Большинство шли хмурые, увязая в мокрой, снежной каше. Ежились, сжимались под порывами ветра. Сильнее кутались в шапки, шарфы, воротники и надежду. Злились, если лужи оказывались коварнее и глубже, чем предполагалось.

Но, среди хмурых, уставших лиц, яркими пятнами, встречались и невероятно одухотворенные, с беспечными улыбками — пары или просто девушки с цветами. Вот у них сердце точно было наполнено счастьем и романтикой. Без всяких там выдумок! А одна и вовсе держала в руках большой букет белых роз! Но как-то небрежно, на отлете, словно защищалась им от непогоды.

Сравнив себя с той девушкой, Вася еще нежнее и трепетнее полубняла свою ветку, пытаясь защитить нежные цве-

ты от вдруг нахлынувшего ветра. Белые яркие бутоны, такие хрупкие, что хочется их обнять и согреть. Почему-то боязно, что именно сейчас, в эту минуту из густых сизых туч, что тянулись низко над головой, пойдет дождь. Или повалит снег. И заморозит, повредит цветы. Вася прикрывала их инстинктивно, хотя уже сама замерзла. Руки были красные, а держать ветку в перчатках показалось ей кощунством.

И уже дома, согреваясь горячим чаем, то и дело посматривала на целую гроздь спасенных цветов. В тепле, теперь уже на столе, в банке из-по огурцов, они вдруг как-то ожили — даже бутоны, кажется, расправились, раскрылись. Каждый с белыми упругими, чуть изогнутыми лепестками и густо-желтой сердцевинкой, напоминающей яичный желток. И с ароматом — резким, но в то же время нежным. Он разливался по комнате и засел где-то внутри Васи, в самом ее существе.

Странно, но Игорь никогда не дарил ей цветов. Почему-то вдруг вспомнилось.

Глава 2

Радость расставания

Игоря она в последний раз видела на вокзале — пришла проводить, ругая себя за слабохарактерность. Но так и не решилась подойти, заявить о своем присутствии — я здесь! Может, хоть напоследок скажем друг другу что-то хорошее? Чтобы не таскать с собой все эти недомолвки, как фантики в карманах. У Васи была такая привычка — еще с детства, когда она копила разные обертки. Потом копить перестала, но все равно, по привычке, складывала бумажки в карман.

Тогда, на вокзале, смотря из-за киоска на высокую, спортивную фигуру с модным (ее подарок!) рюкзаком за спиной, чувствуя, как сердце ненормально колотится, Вася гадала — подойти или нет? С одной стороны — Игорь ее обидел. Но можно ли быть такой мелочной и злопамятной при прощании?

— А когда мы поедem? Когда?

— Подожди, вот закончишь свой универ. И поедem. Обязательно вместе! Ты и я...

Как будто привязал Васю к ее учебному заведению, как

собачку на поводке — к столбу. Закрутилась ее жизнь возле этого столба — их четвертого корпуса. Словно билет на поезд можно было приобрести только после предъявления аттестата и клятвы, что она его честно заслужила. Или только с разрешения Игоря...

— Вот получишь диплом — и тогда...

— И тогда мы поедем, обязательно вместе!

— Конечно! Но может так получиться, что я буду первым — обустроюсь пока на новом месте...

— А как же я?

— А ты пока закончишь учебу. Получишь диплом...

Теперь диплом лежал на полке, дома — в старенькой квартирке, доставшейся Васе от бабушки. Игорь, с дорожным рюкзаком, на вокзале, у вагона, переминался с ноги на ногу — нервничал. У него это всегда от волнения. А она выглядывала из-за киоска. Сначала надеялась, что он ее заметит и позовет к себе. Но он не заметил.

— Так мы едем? Вместе?

— Нет. Я еду... один...

— Почему?

Он ответил — не ей, а куда-то, кому-то, глухо:

— Сейчас, не сердись, Котенок! Мне с бабушкой надо попрощаться! Она у меня старенькая-старенькая. Переживает.

Но Вася старенькой не была и все услышала. И ответ на свой вопрос тоже получила. А потом сбросила звонок — говорить о чем-то дальше не получалось. Только плакать!

Сейчас Котенка на вокзале не было. Игоря провожал друг. Они обнялись на прощание, и друг, махнув рукой, торопливо пошел прочь. А Игорь задержался на платформе, оглядываясь, точно чего-то ждал. Или кого-то. Еще можно было протиснуться сквозь толпу провожающих, поближе, окликнуть, привлечь его внимание — хотелось! Но Вася этого не сделала. «Мне с бабушкой надо попрощаться», — опять приглушенно прозвучало в ее голове. И жеманный, неразборчивый ответ Котенка — словно маленькой капризной девочки, которая вытягивает губки и гласные: уууу! Потянулись вереницей вагоны, уже наяву, разгоняясь и набирая скорость. И там, в одном из них — Игорь.

Целых три года душевных метаний закончились — осталась только одна сплошная боль. Поезд скрылся где-то вдали. Там, где загорались и гасли разноцветные огни другой, лучшей жизни. Да запрещающие сигналы семафора — это уже для Васи.

— У вас есть что-нибудь от ран? — спросила Вася в окошко ближайшей аптеки. На нее посмотрели как-то странно, мелькнули белым халатом к полкам и предложили стерильный бинт. Им она и обмоталась (в переносном смысле, разу-

меется), да так и ходила последнее время.

Когда боль под бинтом стала невыносимой, подружка Люська чуть ли не силой затолкала Васю в логово астролога, на перевязку. На самом деле, под прикрытием специалиста допустимых услуг скрывалось что-то недопустимое и паранормальное — целительница в четвертом полупоколении, таролог и гадалка в одном лице. Заезжая звезда, как она сама себя называла, мадемуазель (это подчеркивалось!) Мадлен. Вряд ли прямо из самой Франции, если судить по четкой и оттого режущей слух «о», вставляемой куда надо и куда не надо. А, если по удивительно красивым, темным, миндалевидной формы, с длинными ресницами, глазам, как у принцессы, — то прямиком из восточных сказок.

Вася верила всему сразу. Особенно после того, как окинув ее взглядом с ног до головы, Мадлен произнесла:

— Вижу — неразделенная любовь у тебя. И тоска на сердце.

Вася кивнула.

— Я же вам уже тысячу раз объясняла, — встряла Люся, — парень ее бросил. А Вася никак этого хмыря забыть не может. Помогите!

Но целительница так строго взглянула на Люсю, что та сжалась в комок — с ведьмами лучше не спорить, даже типа «мадемуазель». Но и про цель визита подруга забыть тоже не могла, спросила сдавленно:

— Так что нам делать? Вы бы отворожили ее как-то. На

убывающей луне...

Вася, мельком прислушиваясь к их разговору, с опаской осматривалась по сторонам — комната, как комната. Только темно слишком. Лампочек у них что ли нет? На столе свечи, от которых тянутся вездесущие, ломаные, длинные тени — по потолку, стенам и массивным на вид, наглухо закрытым шторам. Но почему-то Васю больше всего напрягала узкая, длинная кушетка, заправленная светлым, почти белым покрывалом, больше похожим на больничную простыню.

Вспомнилось нечто знакомое — тогда Вася сидела почти всю ночь, накануне похорон, и караулила какую-то родственницу из клана двоюродных, уже приготовленную по всем правилам к последнему пути. Там тоже был стол со свечами, тени, более спокойные и плавные, и страшный угол со светлым пятном уже безразличного тела, наряженного во все белое. А Вася то и дело приближалась к покойной, чтобы заменить догоревшие свечи. Бррр!

И каким великим утешением и невероятной радостью, уже под утро, стал приезд Игоря — он тогда забрал Васю, нервную и измотанную, из этого мертвого царства. Стал ее спасителем. Игорь! И снова эта тупая боль в сердце. Вася попыталась глубоко вздохнуть — не смогла.

Мадлен наблюдала за всем этим очень внимательно — прямо впиалась взглядом. Потом грациозно и величественно встала и поманила Васю куда-то за собой — вцепившись так же крепко, затащила в другую комнату. А перед любопытной

Люсей просто захлопнула дверь с какой-то инородной, крупной, прикрученной шурупами по краям табличкой: «Тихо! Идет сеанс!» Наверное, тяжелой, как гранитная плита, и рассчитанной больше на любопытных подруг клиенток и всех остальных, скептически настроенных. На тех, у кого есть силы на сомнение и прочую ерунду.

А Вася все воспринимала спокойно. Даже то, что Мадлен волокла ее куда-то в темноте, удерживая с неожиданной силой, упрямо, два раза чуть не уронив. И наконец толкнула Васю на стул. Большой такой — не промахнешься. И сидеть удобно. Странно, но темнота уже не была такой крошечной — где-то возник источник света. Но где, Вася не могла разобрать. Потому что снова возникшая рядом Мадлен, чуть склонившись, осторожно, но настойчиво держала Васю за голову, не давая ей ни повернуться, ни наклониться. До Васи вдруг дошло — голову нужно держать ровно, как в парикмахерской, когда тебе симметрично подравнивают кончики волос. И замерла. Но недоверчивая гадалка все равно осторожно, растопырив длинные, изящные пальцы, чуть крючковатые из-за длинных черных, блестящих даже в темноте, ногтей, чуть издали, отступив на пару шагов, словно продолжала управлять Васей — не двигайся!

Сколько это продолжалось, сказать было сложно. Еще до посещения гадалки, Вася словно разучилась чувствовать время. По отношению к этому измерению, у нее всякий раз всплывала только одна фраза: «Три года! Три года! Ожида-

ний, надежд и открывшейся вдруг правды». Ах да, еще возрастное определение «бабушка», которым наградил ее любимый человек — тоже ведь из этой компании. Но здесь, в этом таинственном кабинете, время вдруг начало появляться вновь. Оно, как мед, потянулось — медленно-медленно, тягуче. Потом стало осторожно ускоряться.

Огоньки то вспыхивали, то гасли — отражались в больших, темных восточных глазах хозяйки. Потом огоньков стало больше — почти невыносимо, потому что Вася уже смирилась с отсутствием света. Даже в носу засвербило! И вдруг разом наступила тьма. Вася закрыла глаза и отключилась.

Потом она как-то безучастно зафиксировала краем сознания, что они уже в кабинете, что Люся машет над ней ранее подписанным договором, а гадалка что-то втолковывает им обеим...

А потом уже такой долгожданный, сырой от дождя, глоток свежего воздуха! И еще... Вася вдыхала сырость, как что-то живительное, и качалась на подвесной качели. Рядом, прислонившись к столбу, стояла какая-то непривычно подавленная Люся.

— Прости, не удержала! Джинсы потом затрем. Не укачивает? Может, до скамейки сможешь дойти?

Вася помотала головой — на все сразу.

Сильно болела правая нога — коленка была в грязи, мокрой и липкой, так что джинсовая ткань отяжелела в этом месте. И уже чувствовался неприятный холод. Но Васе до этого

не было никакого дела! Потому что впервые за все эти годы она ощутила какую-то невероятную легкость, будто плавала в воде! В соленой воде — и соль не щипала. Потому что ран не было.

— Это я воздух вдохнула слишком сильно. Вот голова и закружилась. Не переживай, мне уже лучше!

Люся, от облегчения, тоже присела — на соседнюю-под-всеную. Так они и качались — не синхронно, не сумев уловить темп друг друга, под морозящим прохладным дождем. Задумчивая Люся и пока еще слабая и немного неуверенная, но уже радостная и свободная Вася.

— Держи, — вдруг спохватившись протянула ей файл с договором Люся, притормозив свои качели. — У нее, этой мадемуазель, все серьезно, как в аптеке. Даже гарантию дает — 100%. Удивительно, что в нашем непредсказуемом мире кто-то на это способен. И кто — гадалка! «Клиент после тонкой настройки его астрологических циклов перестанет испытывать навязчивые состояния к определенному объекту...» Ерунда какая-то, если честно...

— Не ерунда! — как-то блаженно протянула Вася, чуть отталкиваясь ногой, покачивая себя, как маленького ребенка в колыбели. — Мне сейчас так легко! И спокойно! Так, что хочется взлететь! Я часто испытывала такое в детстве, во сне! А сейчас — будто наяву. Давай полетаем вместе?

И она чуть сильнее оттолкнулась ногой. Но Люся только отрицательно помотала головой — посмотрела на подругу с

беспокойством. Нахмурилась.

— Ну, как знаешь, — покорно согласилась Вася и закрыла глаза. Попыталась мысленно расправить воображаемые крылья...

— Только не спи, — испугалась Люся, — а то снова упадешь. А тут газона уже нет — больше будет. Куда вы с ней уходили? И что она с тобой делала? Руками махала или разговоры какие-то читала?

— Я толком не помню. Темная комната, светлые огоньки. И эта мадам, ой, простите, мадемуазель меня караулит — видимо, чтобы я не сбежала. А потом — все как в тумане. Очнулась уже здесь.

— Да, — только и протянула, ставшая вдруг маленькой и испуганной девочкой, Люся. И вдруг запаниковала. — Ты точно ничего у нее не пила? Никаких уколов не делали? Полянись! Уф! А то я уже тысячу раз пожалела, что тебя к ней затащила — повелась на рассказы знакомой с маминой работы. Хорошо, что все в порядке.

В тот же вечер Вася выкинула из сумки стерильный бинт — как последнее болезненное воспоминание.

Глава 3

Тоннель

Игоря она не забыла — он то и дело возникал в памяти, но как-то легко, дарил щемящую, радостную грусть. И тут же исчезал — до следующего раза. Вот выпал первый снег — и растаял. Ну и что?

А скоро и вспоминать времени уже не было. Университет, в отличие от Игоря, растворившего где-то вдали, в череде красных мигающих огней вокзала, настойчиво звал к себе. Сначала резким и неожиданным звонком SOS во время экзаменационной жары, потом и вовсе настойчивой просьбой уважаемого и любимого педагога Натальи Сергеевны — «Вась, в деканате снова нужно помочь! Ну, ты знаешь. Бывалая...»

И Вася снова отправилась выручать альма-матер. Сначала с небольшим скрипом — еще грезила о далеких перспективах, которые с новеньким, долгожданным дипломом и невероятной легкостью в душе, обязательно должны были случиться. Должно же Васе хоть тут повезти, раз уж в любви так все плохо!

А потом университет подчинил Васю окончательно. Обязанности множились-множились-множились. И она очну-

лась только тогда, когда увидела себя в аудитории, перед довольно многочисленной группой студентов. Те слушали ее лекцию добровольно, с интересом — даже подтянулись юные умы из соседней, сонной аудитории. Педагоги недоуменно, но одобрительно переглянулись. Потом к слушателям, помимо обязательных и юных, вдруг присоединились два хмурых сантехника, чинивших трубы в соседнем корпусе и заплутавших в поисках выхода. Рабочий коллектив расценил это как успех и приглашение Васи в мир педагогики. Денег прибавилось немного, а обязанности вдруг превратили ее жизнь узкий тоннель, без просветов и остановок. Но Вася по нему двигалась добросовестно, старательно, даже не думая никуда вырваться и сбежать.

Второе, после неожиданно начавшейся карьеры лектора, педагога и просто хорошего человека, осознание случилось тогда, когда Васю остановила бывшая однокурсница и поинтересовалась:

— Вась, когда на свадьбу пригласишь?

— На какую свадьбу? — спросила Вася, удивившись, что где-то в мире еще существуют свадьбы!

— Ну, на вашу, с Игорем. Или уже? И втихаря? — и однокурсница, стараясь, чтобы это было незаметно, чуть отклонившись назад, попыталась оценить изменения в фигуре Васи. Так, как это делают обычно вежливые люди, не желающие задавать вопрос о грядущем прибавлении в лоб, но мучаясь законным любопытством,

Вася почувствовала, что врезалась в стену своего тоннеля. Больно! Нет, не из-за Игоря. А из-за того, что поняла — что-то важное проходит в ее жизни мимо. И, если не остановиться, то мимо пройдет сама жизнь — тоннель закончится!

Знакомая, чутьем уловив, что здесь что-то не так, снова скользнула взглядом по Васе, но теперь уже воровато и виновато. Будто нащупала чужую тайну и случайно положила ее к себе в карман. И невероятно быстро затерялась в толпе прохожих. Все, теперь пойдет всем трепаться, что у Васи беда на личном фронте. Но дело даже не в этом!

Вася по-прежнему растерянно стояла на месте. Дело в тоннеле! Почему-то вспомнилось, как раньше она любила ходить в кино. Что кино — это интересно. Что это — такие картинки, которые сменяют друг друга в темноте зала, быстро-быстро, так что человеческий глаз не успевает их рассмотреть по отдельности. Поэтому ленивый человеческий мозг лепит из них целую, массой, историю — уже в темноте черепной коробки. Почти как в комнате мадемуазель Мадлен. Может, и правда, чем-то опоила? Вася была тогда в таком состоянии... Из-за Игоря.

Но Игорь теперь окончательно пропал с радаров. Да и дружба с Люсей как-то незаметно треснула и разлетелась на осколки. Терпеть подругу, бесконечно страдающую по парню было, видимо, гораздо проще, чем к этому парню равнодушную, но вечно занятую нужными и полезными делами. Или Люся обиделась, что из-за Васи срывались все совмест-

ные планы? Та их встреча, на детских качелях под холодным, морозящим дождем, вдруг стала последней.

А потом Люся и вовсе махнула рукой на весь комплект — на Васю, на встречи, на морозящий дождь и качели. И укатила в южные края, к родственникам.

Вася спохватилась только тогда, когда обнаружила, что нить их, теперь уже только виртуальной беседы, прервалась где-то на аляпистой, криво слепленной открытке ко дню Учителя. Вася на открытку так и не ответила. А Люся больше ничего и не писала.

И куда дальше идти в такой ситуации? Вася почему-то посмотрела под ноги, словно искала указатель. Надо же — во круг снежная каша. А ведь недавно тут была трава. Трава пропала. На ногах галоши, с осеннего субботника. Да не может этого быть! Странно, что ей не делали замечаний и пускали в университет в таком виде. Вот почему на нее смотрели так сочувственно! А Вася-то думала, что из-за нагрузки, которую сами же на нее и взвалили.

Вася стала проводить инвентаризацию прямо здесь, на улице, перед зеркальной витриной. Чувствовала, что до дома она не дотерпит. Как тогда, в детском садике, в младшей группе, когда она во время полдника очень удачно собрала «компотно-грушевую» дань с других детей. Только теперь ее мучили какие-то душевные сомнения и страх, которому нужно было взглянуть в глаза. И в витрину тоже.

В кармане фантики, но пальто очень даже современное

— перед Игорем хотелось покрасоваться. Не оценил. Джинсы тоже ничего, с новогодней распродажи, модный бренд, но досталось им крепко. Просто носила, не снимая, пока готовилась в диплому и экзаменам. Даже спала в них. Надо же, именно в них Вася и качалась тогда на качели, после визита к гадалке. Но это так, к слову. Шарф старый, еще мамин, но любимый и теплый, хоть и облезлый — в него может завернуться даже жираф с его длинной шеей. Галоши — портят всю картину, зато ноги сухие, почти. Да, нужно что-то менять!

С чего могут начаться изменения, когда ходишь по снегу в галошах; радуешься, что тебя бросил парень, а тебе не больно; скучаешь по обиженной на тебя подруге; придумываешь план новой лекции — такой, чтобы заинтересовать даже нерадивых студентов? Что делать, если ты мчишься по узкому тоннелю, без лампочек, непонятно куда?

Правильно — нужна веточка жасмина! И вот уже кто-то, для этой истории абсолютно чуждый, своей корявой рукой начал раскачивать-ломать ни в чем не повинный куст с белыми крупными цветами, чтобы хоть так, куце, нелепо и совсем неэтично, рассказать о своей любви к замужней женщине.

белых бутонов — терпко и резко, так что даже закружилась голова. Вздохнула. И снова погрузилась в работу.

Но на следующий день Васю ждало еще одно сообщение:
— Привет!

Может, заблокировать его? Но почему-то не получается. Видимо, какой-то сбой системы. Да и Вася, если честно, в технике совсем не разбирается. Смартфонов опасается, больше доверяя старому ноутбуку проверку почты, соцсетей и поиск нужной информации. На работе часто призывает на помощь высшие силы, Домовенка или кого-то из коллег. Коллеги сердятся из-за элементарных ошибок, но исправляют, учат, показывают. Домовенок помогает молча. А сейчас-то что делать? Будем игнорировать — решила Вася. И держалась целые сутки.

Но такую настойчивость очень сложно обойти вниманием. И снова:

— Привет!

Странный какой-то адрес — @.лов. Неполный и оттого короткий. Разве так бывает? Собака лов? Что — Собаколов? Должно быть, что-то отвратительное — с сачком и полным отсутствием жалости к братьям нашим меньшим. Все, эту шутку пора наконец прекратить!

Следующего вечера Вася ждала уже с каким-то мрачным

нетерпением. Она решила — лучше все выяснить. Наверняка, ничего кроме этого слова «Привет!» ее не ждет. И вот тогда уже можно смело звать Домовенка.

Так окрестили знающего толк в подобной технике бывшего выпускника этого же университета, но из другого корпуса. Он, подобно Васе, тоже решил, даже после вручения диплома, не покидать родных стен. И приносил пользу всем, кто его просил — дневал и ночевал на работе, лишь изредка отлучаясь по делам, да и то не по своим. И тут же назад! Утверждал — «Универ — мой дом родной!» Не подозревая, что острые, особенно когда не надо, студенческие умы уже подбирают-лепят ему кличку. Конечно же, с учетом имени Кузя и невысокого роста. И стал для всех Домовенком. Но даже гордился таким умелым синтезом сказки и научно-технических достижений. Васе он точно поможет — прекратит поток этих однообразных писем.

Но Кузя отпал сам собой — вечер принес новые, неожиданные открытия.

— Привет!

— Привет, а кто это?

— Пожалуйста, напиши мне что-нибудь. Мне очень это важно!

— До свидания.

— Ну пожалуйста... Привет... Привет...

Ух ты, кто бы это ни был — словом «Привет» он или она не ограничивается. Вася даже пожалела, что так рано свернула беседу. Могла бы выяснить гораздо больше. Внеземная цивилизация явно была настроена на контакт. В отличие от Васи. Вспомнив всевозможные истории о мошенниках в интернете и об их хитроумных, постоянно неожиданных способах воздействия на доверчивых людей, она вдруг испугалась. Хотя, переживать не стоит. Если контактер объявится завтра, разговор можно продолжить. А если не объявится — еще лучше!

Внеземная цивилизация на следующий день снова подала уже привычный сигнал:

— Привет!

Надо же! Опять в это время. Васе почему-то представилось, как кто-то или что-то старательно заводит будильник с большой пружиной, чтобы не пропустить время разговора. И пошла на владельцев пружинок и шестеренок в атаку:

— Опять ты! Не надоело?

— Я просто хотел, чтобы ты что-нибудь ответила. А ты молчишь.

— А что я должна тебе ответить? Ты пишешь на неизвестный адрес и еще требуешь ответа.

— Я не требую, я прошу. И потом — мы не такие уж и посторонние.

— В смысле?

— Мы общаемся на ты. А посторонние люди говорят и пишут друг другу строго-официальное «Вы».

— Надо же... Действительно, я сама не заметила, как так получилось. Что мы уже на ты. Может, того... назад...

— Что?!

— Ну, вернемся на вы.

— Поздно. Мы уже перешли черту...

— Какую еще черту?

— Коммуникационную! Нельзя сделать вид, что человек тебе незнаком. Вернее, сделать-то можно. Но мы оба знаем, что уже обращались друг к другу на ты. И все было в порядке. А если перейдем на вы, то все равно будем об этом помнить.

— Скажешь тоже! Вернее, напишешь. Ладно, я выполнила твою просьбу. Доволен?

— Да, спасибо...

Почему-то вспомнился Игорь... Так, мельком...

Глава 5

Разговоры продолжаютс

Теперь об этом эпизоде с письмами можно было удачно забыть. Но у Васи не получалось. Да и сама жизнь вдруг напомнила снова — короткой стрелкой старенького бабушкиного будильника, указывающей на цифру семь следующим вечером и привычно-простым:

— Привет!

— Ладно, пусть будет привет!

— Ты можешь мне что-нибудь написать?

— Что? Я уже думала, что ты больше не появишься.

— Почему?

— Потому что я тебе ответила. И все.

— Но это было тогда. А сейчас — это уже сейчас.

— А ты кто? Мы ведь даже не познакомились, как следует.

— А как надо?

— Надо сначала представиться. Я даже имени твоего не знаю. Кто ты? Где живешь? Учишься? Работаешь?

— Ого, как много вопросов! Я даже не думал, что можно вызвать такой интерес — всего лишь парой строчек и систематичностью!

— Да пошел ты! Псина ты этакая!

Звание педагога, так старательно навьюченное на Васю ее дружным коллективом, вдруг упало с грохотом, вместе с опрокинутой в сердцах чашкой с чаем. Потянуло бергамотом. Не очень это педагогично — так ругаться, если честно. И Вася искренне пожелала, чтобы там, по другую сторону коммуникационного моста, не оказался какой-нибудь знакомый студент, который непременно захочет поделиться лингвистическими изысками Василисы Павловны со всей студенческой братией! И тогда... Тогда все начисто забудут, что студент сам виноват — вломился в Васино личное пространство, пусть и электронное. Нет! Это ей достанется по полной.

Вася, чтобы не расстроиться окончательно, стала придумывать себе оправдания. Во-первых, она еще только начинающий преподаватель, а тут ошибки неизбежны и прощительны. И потом, уж очень это напомнило самодовольную манеру Игоря — легко и как бы походя, а потом вдруг очень точно, по самому больному! Сейчас в Васе говорили не чувства — где-то заворочалось и стало подниматься вверх, по позвонкам, дрожью, холодом, то, что она бы могла назвать «опытом-батюшкой», если бы успокоилась и четко сформулировала свои мысли.

На миг ей показалось, что прямо по экрану, по черным аккуратным строчкам, красуясь и чуть нервничая, прошел Игорь — прямо как тогда, на вокзале, к своему вагону. Она чувствовала присутствие Игоря! И почему-то с нетерпением

ждала следующего вечера. Такой цирк так просто не уезжает, даже если уже все провожающие разошлись по домам.

И на следующий вечер исправно сработала пружина невидимого будильника, оповещая — Вася ждет нового сообщения. Вся ее нервная система уже внимает с нетерпением.

— Привет!

Вася ничего не ответила, но вдруг ощутила спокойствие, словно поставила невидимую галочку — есть! Написал!

И так всю неделю, одно и то же. Вася вглядывалась в лица студентов, пытаясь определить — кто из них на такое способен? Но они — сонные, равнодушные, грустные, веселые, серьезные, заинтересованные — ничем не напоминали пунктуального маньяка-любителя.

— Привет! Привет! Привет!

А, может, это рекламный агент, и сейчас начнется предложение курсов, интернет-услуг или описание выгодных банковских условий, которые Васе вот прямо сейчас нужно купить, открыть, посмотреть, оценить, выбрать.

Хоть бы уж так! Ведь после этого смело можно было бы поставить на незнакомце крест (красненький такой, в правом верхнем углу). Понятый и раскрытый, ежевечерний адресат уже бы не представлял такого интереса для Васи, не цеплял, не нервировал, не заставлял напрягаться.

— Привет!

Однажды, услышав это слово от какого-то студента в коридоре, Вася застыла на месте, как будто перед ней не сработала автоматическая дверь. Потерла лоб. Уставилась дикими глазами на высокого, худого паренька и даже, к стыду своему, что-то утробно замычала. Но студент дружелюбно кивнул ей, бросив на ходу:

— Сдам, Василиса Павловна! На следующей паре все будет. Не сердитесь!

И с опаской, но ловко, проскочил почти рядом, прижимая к уху телефон, который Вася сначала даже не заметила. А она осталась стоять на месте — сердце билось уже где-то в горле. Так чего доброго и до паранойи можно дойти — всего за пару шагов.

И, против воли, стала ждать вечера.

— Привет!

— Ну ладно, привет! Что тебе от меня опять надо? Поговорить?

— Верно!

— Как я могу с тобой говорить, если не знаю о тебе ничего?

— Я люблю пиццу, только без чеснока. Читать люблю. Спорт люблю. Точнее, раньше любил...

— Ты издеваешься? Я же тебя спрашивала — кто ты? Как

зовут?

— Тим.

— Уже что-то. Меня Вася. В смысле Василиса.

— Как Василиса Премудрая?

— Не смей!

— Хорошо. Тогда, как Прекрасная? Еще лучше! Даже звучит красиво!

— Ты преувеличиваешь — не надо так больше! Но все равно спасибо. За то, что ответил. А то общаюсь тут и даже не знаю, с кем.

— Как это не знаешь? У тебя же есть мой электронный адрес. Я думал — это главное.

— Странный у тебя какой-то адрес. Что за @лов? Такого не бывает!

— А откуда я тогда тебе пишу? Значит, бывает.

— А если я тебе сама напишу — то дойдет?

— А ты хочешь мне написать? А ведь ничего не предвещало!

— Нет, просто так спросила. Я уже спать хочу. Добрых снов!

Снова где-то неподалеку, опять, уже на цыпочках, прокрался привычно самодовольный Игорь.

— Привет!

Привет!

Привет!

Ко всей подозреваемой Васей студенческой братии теперь добавились даже прохожие, мирно следующие по улице по своим делам. Кто-то из них точно этот самый таинственный Тим. По всем канонам классического детектива, вон та аккуратная старушка с усеянной текстильными тюльпанами сумкой и толстой, корявой палкой как раз и может каждый вечер упрямо набирать одно и то же слово, терзая Васю. Бабуле такая нагрузка, в пару символов, вполне по силам. Вася даже представила старушку над клавиатурой, в очках, сосредоточенную, с занесенным узловатым пальцем над «П». А ее внуки крутятся вокруг стола, всякий раз роняя толстую палку, пристроенную своей хозяйкой неподалеку, и просят испечь им печенье...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.